ОЧЕРКИ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ

ПО СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Публичная лекція, читанная 14-го февраля 1881 года.

Проф. **Н. Сорокинымъ.**

ИЗДАНІЕ ВЪ ПОЛЬЗУ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЧИТАЛЬНИ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1882.

По постановленію физико-математическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета, печатать дозволяется. Казань, 10 февраля 1882 г.

Деканъ *М. Ковальскій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемые „Очерки“ никогда не писались для печати. Они были читаны въ февралѣ 1881 года, когда нѣсколькимъ членамъ Общества Археологіи и Этнографіи при нашемъ Университетѣ пришла мысль устроить рядъ публичныхъ лекцій, для составленія фонда, предназначаемаго на археологическія изысканія прошлаго лѣта. На мою долю также выпала честь участвовать въ этомъ дѣлѣ и я выбралъ темой—свои личныя воспоминанія и впечатлѣнія, пережитыя во время путешествія по Средней Азіи.

Мой сотоварищъ по странствованіямъ, инженеръ Э. І. Соколовскій помогъ мнѣ показать публикѣ, послѣ чтенія, тѣ азіятскія вещи, которыя были вывезены оттуда; онъ объяснялъ слушателямъ значеніе выставленныхъ въ актовомъ залѣ, предметовъ, ихъ употребленіе, научный и практическій интересъ. и т. д. Затѣмъ, какъ-бы въ добавленіе къ моей лекціи, Эдуардъ Іосифовичъ 18-го апрѣля прошлаго-же года познакомилъ публику съ вопросомъ о поворотѣ рѣки Аму-Дарьи въ Каспійское море. Къ сожалѣнію—это было послѣднее чтеніе уважаемаго товарища: 5-го августа онъ умеръ во Владимірской слободѣ (Астраханской губерніи), одинъ, безъ родныхъ и близкихъ знакомыхъ, въ какой-то больницѣ. Быстрая и ужасная смерть сразила его неожиданно для всѣхъ, во время служебной поѣздки.

Нѣкоторые, слышавшіе чтенія мое и Соколовскаго, высказывали еще тогда желаніе видѣть наши лекціи въ печати. Но, такъ какъ подробное описаніе моего путешествія готовится къ печати и будетъ помѣщено на страни-

цахъ „Историческаго Вѣстника“, то предлагаемая рукопись оставалась въ портфелѣ безъ особаго назначенія.

Въ настоящее время, когда денежныя средства нашей студенческой читальни истощаются, я рѣшаюсь уступить просьбамъ многихъ моихъ знакомыхъ и издаю брошюру въ томъ видѣ, въ какомъ она была прочитана.

Если только цѣль и на этотъ разъ будетъ достигнута, и читальня получитъ хоть какую нибудь денежную помощь, я буду считать себя вполнѣ счастливымъ тѣмъ, что своими силами могъ поддержать доброе дѣло.

Казань.
1882. 11-го февраля.

Милостивыя Государыни и Милостивые Государи!

Наша обыденная, будничная жизнь представляетъ мало привлекательнаго. Постоянный, безконечный трудъ, работа о насущномъ хлѣбѣ, о завтрашнемъ днѣ—есть удѣлъ большинства. Рѣдко найдутся такіе счастливцы, которымъ все улыбается, которые незнаютъ или незнали: что такое нужда? они плывутъ по теченію, не оглядываются назадъ, но и не смотрятъ въ будущее. Подобнымъ баловнямъ жизни, однако, врядъ-ли кто станетъ завидовать. Не смотря на однообразіе окружающей обстановки случаются и у тружениковъ свѣтлыя минуты—достигнуть успѣха въ дѣлѣ, стоющемъ ужасныхъ усилій, развѣ не привлекательно? развѣ надежда на этотъ успѣхъ не свѣтитъ яркой звѣздочкой? Да. Но на долго-ли, спрашивается, остаемся мы подъ обаяніемъ такой радости? Опять выступаетъ на сцену нужда, опять принимайся за новую работу и вчерашній побѣдитель и господинъ превращается сегодня въ чернорабочаго.

Ничего подобнаго, даже *подобнаго* разнообразія не встрѣтится въ жизни баловней счастья. Тамъ все идетъ одинаково: сегодня—какъ завтра, завтра—какъ вчера. Завидовать имъ нечего.

Но, въ жизни бываютъ факты, которые навсегда врѣзываются въ память, выбиваютъ человѣка изъ однообразной колеи, доставляютъ ему источникъ вѣчныхъ наслажденій, и позволяютъ на нѣкоторое время забывать дѣйствительность,

окрашенную въ непривлекательный, почти неопредѣленный сѣрый цвѣтъ.

Къ числу такихъ фактовъ отношу я не выигрышъ двухъ сотъ тысячъ, о которомъ думаетъ въ настоящее время большая часть людей, но—возможность побывать въ чужихъ земляхъ, видѣть оригинальную природу, своеобразные обычаи незнакомыхъ народовъ.

Каждый изъ насъ въ малолѣтствѣ, когда организмъ впечатлителенъ настолько, что пустое слово, разговоръ, случай запечатливаются на вѣчныя времена въ памяти, слышалъ отъ учителей, учительницъ, даже, пожалуй, нянюшекъ—про моря, рѣки, горы, покрытыя снѣгомъ, нравы и обычаи чернокожихъ, про людоѣдовъ, уничтожающихъ своихъ враговъ, и проч. и проч. и каждый изъ насъ грезилъ обо всѣхъ этихъ диковинкахъ. Хотѣлось надѣяться, что и самъ когда нибудь побываешъ въ тѣхъ мѣстахъ, провѣришъ слова учителей и учебниковъ.

Хотя всѣ д ѣ т и думали и думаютъ объ этомъ, но не всѣмъ в з р о с л ы м ъ удается осуществить свои замыслы. немногимъ выпадаетъ такая доля.

Спѣшу однако замѣтить, что подъ путешествіемъ я не подразумѣваю *прогулки* по Европѣ. Конечно пріятно побывать въ шумной Вѣнѣ, изящномъ Парижѣ, чудномъ Неаполѣ, можно прійдти въ восторгъ отъ снѣговыхъ Альпійскихъ горъ, отъ дымящагося Везувія, наконецъ отъ Неаполитанского залива, этого „куска неба упавшаго на землю“, но... вѣдь эта прогулка, это шатаніе по громадному музею для удовольствія или же для нагляднаго обученія, къ которому давно уже подготовился.

Гораздо интереснѣе, по моему, очутиться въ тѣхъ странахъ, гдѣ успѣхъ Вашихъ наблюденій зависитъ отъ Васъ самихъ, гдѣ ни накакую помощь Вы неможете разсчитывать, гдѣ сравнительно говоря, рѣдко кто бывалъ изъ Европѣйцевъ. Вотъ тутъ-то, при такихъ условіяхъ каждый фактъ, добытый Вами, доставляетъ Вамъ громадное наслажденіе. Впрочемъ, можетъ быть подобному отношенію къ дѣлу опять таки выучиваетъ труженическая жизнь.

Само собою разумѣется, еще лучше будетъ себя чувствовать человѣкъ, которому удалось побывать и въ цивилизованной Европѣ и въ дикихъ странахъ Азіи. При этомъ является обширное поле сравненій, уподобленій и проч. и чувство удовлетвореннаго любопытства и любознательности

будетъ еще полнѣе. Но, согласитесь, что такая судьба выпадаетъ на долю не всякаго смертнаго. Тѣмъ съ большею гордостью я могу заявить, что къ числу такихъ немногихъ счастливцевъ принадлежу я. Здѣсь, въ предстоящей бесѣдѣ, само собою разумѣется нечего и думать изложить подробно мои странствованія по бѣлу-свѣту. Я намѣреваюсь познакомить моихъ уважаемыхъ слушательницъ и слушателей, только съ тѣми пережитыми впечатленіями, которыя неизгладимо врѣзались въ мою память, во время моего двухъ-кратнаго путешествія по пустынямъ Средней Азіи. Въ нихъ я пробылъ болѣе полугода, слѣдовательно, многое пришлось увидать, многое услышать.

Я боюсь только, что мнѣ неудастся передать картинно особенности этой малоизслѣдованной, своеобразной и не особенно привлекательной части Земнаго шара, потому что въ такой короткій промежутокъ времени, которымъ я долженъ воспользоваться, чтобы неупотребить во зло вашего терпѣнія,—это будетъ очень трудно. По этому заранѣе прошу снисхожденія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ стали сильно поговаривать о средне-азіатской желѣзной дорогѣ. Этотъ рельсовый путь долженъ быть продолженіемъ вѣтви, оканчивающейся Оренбургомъ и связать названный городъ съ центральной частью нашихъ владѣній, лежащихъ бокъ о бокъ съ цвѣтущими и богатыми провинціями Индостана.

Что подобная дорога будетъ полезна—въ этомъ я думаю никто несомнѣвается. Скажу больше,—она является необходимостью. Не рѣшаясь говорить по этому поводу какъ не спеціалистъ, я укажу только на самое главное: взгляните на линію отъ Самары до Оренбурга. Она упирается въ какое-то пустое пространство, она точно недодѣлана, точно сама требуетъ своего продолженія. Масса товаровъ отсюда отправляются караванами; они идутъ долго, подвергаются всякимъ случайностямъ, и, само собою разумѣется, должны продаваться, по прибытіи на мѣста, чуть не въ три-дорога. Совсѣмъ другое дѣло было-бы, если-бы мы имѣли желѣзную дорогу соединяющую Оренбургъ хоть, положимъ, съ Ташкентомъ. Произведенія Европы переправлялись-бы туда съ легкостью и желаемой быстротой и въ обмѣнъ, мы по-

лучали-бы все то, чѣмъ можетъ гордиться Индія, и чѣмъ пользуются теперь почти исключительно Англичане. Наконецъ, не надо упускать еще и того изъ вида, что линія эта имѣла-бы огромное стратегическое значеніе.

Изъ многихъ проэктовъ Среднеазіатской желѣзной дороги, предложенныхъ русскими и иностранцами, упомяну о двухъ: одни предлагаютъ вести линію отъ Екатеринбурга, другіе—отъ Оренбурга. Обѣ линіи сходятся по близости города Тургая, направляясь оттуда прямо въ Ташкентъ.

Если вы посмотрите однако на карту, то увидите, что обѣ дороги дѣлаетъ крюкъ, и невольно является вопросъ: нельзя-ли избѣжать этого колѣна? На самомъ дѣлѣ возможность бросается въ глаза, въ особенности для пути отъ Оренбурга. Стоитъ только провести его прямо на Кара-Тугай (на берегу Сыръ-Дарьи) и оттуда уже по правому берегу направить на Ташкентъ Но, до послѣдняго времени, для исполненія подобнаго плана, необходимо было устремить изслѣдованія на двѣ мѣстности, которыя пересѣчетъ дорога, а именно: на Мугоджарскія горы, составляющія отроги Урала и на пески Кара-Кумы, образующіе цѣлое море на правой сторонѣ Аральскаго бассейна. Мугоджары немогли остановить инженеровъ, такъ какъ они не высоки. Совсѣмъ другое дѣло представляли пески. Центральная ихъ часть была совершенно неизвѣстна, въ ней небывалъ никогда еще Европеецъ; а хорошаго ожидать отъ нихъ также было нельзя, такъ какъ въ западной своей части, по которой пролегаетъ почтовый трактъ они по истинѣ ужасны. Уже не говоря, о томъ что они глубоки и сыпучи,—главный недостатокъ заключается въ отсутствіи прѣсной хорошей воды. Но, вмѣсто того чтобы строить предположенія надо было пробраться въ центральную часть и поприсмотрѣться къ этой непривѣтливой почвѣ. Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда я, въ 1878 году получилъ лестное для меня предложеніе г. начальника экспедиціи участвовать въ экспедиціи, снаряжаемой для рѣшенія вопроса: проходимы-ли Кара-Кумы или нѣтъ? можно-ли скрѣпить растительностью тамошній сыпучій песокъ?

Только на эти вопросы слѣдовало отвѣтить въ первое наше путешествіе, такъ какъ стоялъ уже конецъ августа и слѣдовательно, успѣть обслѣдывать пространство дальше Кара-Тугая, было уже поздно. На слѣдующій годъ предполагалось выступить пораньше, довести наблюденія до конца

т. е. до самаго Ташкента и такимъ образомъ, представить отчетъ о всей проэктируемой желѣзной дорогѣ. Къ этой второй, иначе называемой „Самарской“ экспедиціи присоединили еще одинъ весьма важный вопросъ, а именно: судоходна-ли Аму-Дарья? вездѣ-ли по ней могутъ плавать хоть небольшіе пароходы? а коснувшись этой рѣки, само собою возникала мысль, надъ которой долго трудился и Великій Петръ—преобразователь,—мысль о поворотѣ ея по прежнему руслу.

Такова была программа нашихъ путешествій. Какъ видите, она отличалась многосторонностью и, слѣдовательно, интересомъ.

Признаюсь Вамъ откровенно,—предложеніе совершить путешествіе въ Азію, застало меня врасплохъ. Я всегда мечталъ о тропикахъ, о дѣвственныхъ лѣсахъ Бразиліи, о безграничномъ океанѣ, однимъ словомъ о кругосвѣтномъ плаваніи,—и вдругъ, очутиться въ пустынѣ, гдѣ растительность скудна, гдѣ нетолько океана, нѣтъ даже и лужицы воды! Тѣмъ не менѣе, конечно, я согласился ѣхать, но согласился съ какимъ-то тайнымъ страхомъ. Недумалъ я, чтобы мнѣ понравилась эта унылая сторонка.

1-го сентября покинулъ я Оренбургъ и, осмотрѣвши интересную Илецкую защиту, гдѣ добывается лучшая въ Россіи соль, пустился въ киргизскую степь. У Караваннаго озера съѣхались всѣ члены экспедиціи и черезъ нѣсколько дней мы добрались до маленькаго укрѣпленія—Акъ-Тюбе. Это есть ничто иное какъ мѣстечко, въ которомъ находится одна только площадь; объ улицахъ-нѣтъ и помину. Нѣсколько домиковъ, да длинныхъ казенныхъ строеній лѣпится кругомъ большой пустыри, вотъ Вамъ и Акъ-Тюбе. Справа и слѣва возвышаются редуты съ часовыми и пушками, окопанные рвами; но, черезъ ровъ этотъ перепрыгнетъ не только лошадь, но даже ребенокъ. Само собою разумѣется, что значеніе укрѣпленія въ настоящее время равняется *нулю*.

Отдохнувши у гостепріемнаго коменданта и сдѣлавши нѣсколько экскурсій по окрестностямъ, мы направились прямикомъ на Кара-Кудукъ, станцію, стоящую на Орско-Казалинскомъ трактѣ. Отсюда мы должны были идти на верблюдахъ и прорѣзать пески поперекъ. Едва Акъ-Тюбе скрылось изъ нашихъ глазъ, какъ караванъ очутился въ насто-

лящей *глинистой* киргизской степи. Физіогномія ея была довольно оригинальна. Представьте себѣ безконечную необозримую равнину. Горизонтъ колеблется и дрожитъ въ воздухѣ, раскаленномъ осеннимъ солнышкомъ. Изрѣдка покажется холмикъ, еще рѣже засинѣетъ вдали одиноко стоящая гора,—за этими исключеніями, кругомъ путешественника раздвигается все шире и шире, все дальше и дальше настоящая степь. Нельзя однако сказать, чтобъ картина была однообразна. Совсѣмъ нѣтъ. Вотъ, напримѣръ, уже нѣсколько десятковъ верстъ ѣдемъ мы ковыльной степью; желтыя, вызженные стебли растеній довольно густо покрываютъ почву—точно сжатый хлѣбъ охватываетъ васъ со всѣхъ сторонъ, точно вы какимъ то чудомъ перенеслись изъ Азіи въ самый центръ европейской Россіи. Но, вдругъ картина измѣняется. Ковыль кончился. Голая глинистая почва стучитъ подъ копытами лошади. Вся поверхность земли разтрескалась отъ лѣтнихъ жаровъ, распалась на множество многоугольныхъ довольно большихъ кусковъ. И кажется будто ѣдешъ по колоссальному паркету. Только пробираться по этому паркету надо весьма осторожно: трещины очень глубоки и широки, лошадь постоянно спотыкается и падаетъ.

А вотъ, изъ за небольшаго холмика, сверкнула бѣлая полоса. Какъ-будто какое-то озеро замерзшее и занесенное снѣгомъ явилось по мановенію волшебника и преграждаетъ Вамъ путь. Берега озера кроваво-краснаго цвѣта. Они отливаютъ всѣми оттѣнками отъ темно-карминоваго до свѣтло—оранжеваго. Пушистая бѣлая поверхность испещрена множествомъ птичьихъ слѣдовъ, пересѣкается цѣлымъ лабиринтомъ тропинокъ, продѣланныхъ мелкими степными животными.

Эти бассейны есть ничто иное какъ солончаки. Въ сухое время они тверды и, за небольшими исключеніями, всѣ почти проходимы; но весною и въ дождливую осень всякое животное, попавшее въ нихъ засасывается и исчезаетъ безслѣдно съ лица земли. Подвигаетесь дальше. Въ сторонѣ отъ Васъ изъ земли торчатъ бѣлые куполы различной величины—это излившаяся въ сырое время изъ почвы жидкая глина. Она застыла и весьма напоминаетъ собою затвердевшую лаву.

Надъ всею этой картиной молчаливо распахнулось сѣрое раскаленное небо; перелѣтаютъ стаи куропатокъ, покрикиваютъ невидимые для глазъ орлы. Изрѣдка увидишь вда-

ли быстро бѣгущее облачко пыли—то сайгакъ уходитъ отъ незванныхъ гостей. Попадаются площадки изрытые глубокими норами: лошадь неохотно ступаетъ по такой почвѣ, боясь провалиться—здѣсь поселилась цѣлая колонія тушканчиковъ, мелкихъ грызуновъ съ длинными задними и чрезвычайно короткими передними ногами.

Какъ-то разъ случилось совершить пріятную находку. Пробирались мы по степи медленно, разговоры прекратились, споры незавязывались, всѣ чувствовали себя утомленными. Вдали рѣзко виднѣлась довольно большая и крутая гора. Я отъѣхалъ въ сторону и приглядывался къ жалкимъ осеннимъ остаткамъ растеній. Вдругъ вниманіе мое было привлечено чѣмъ-то похожимъ на темный сучекъ, который однако шевелился у переднихъ ногъ моей лошади; она чуть не наступила на него. Я соскочилъ съ сѣдла и принялся разсматривать. Въ трещинѣ земли билась змѣя, желая вырваться изъ подъ комьевъ глины. Почему она ущемилась—я до сихъ поръ незнаю. Я хотѣлъ уже посадить животное въ банку, какъ со всѣхъ сторонъ налетѣли товарищи. Одинъ хотѣлъ даже схватить рукою гадину, но былъ остановленъ во время. Темно-сѣрое гибкое тѣло змѣи оканчивалось небольшой головкой, затылочная сторона, которой была разширена, маленькія глазки свирѣпо глядѣли кругомъ, а жало, шевелящееся изъ отверстія рта, точно угрожало. Казакъ началъ дразнить гадину своею нагайкой. Долго отворачивало оно голову, но наконецъ, вѣроятно выведенная изъ терпѣнія, выпрямилась, раздула голову, раскрыла широкую пасть и вонзила зубы въ твердую кожу нагайки. Змѣя оказалась ядовитою и принадлежащею къ роду гремучниковъ; различіе ея отъ настоящаго заключается между прочимъ и въ томъ, что она не имѣетъ того аппарата на концѣ хвоста, который производитъ характерный шелестъ или шумъ, извѣстный Вамъ вѣроятно изъ описанія путешественниковъ.

Такова глинистая степь осенью. Пробывши въ ней нѣсколько дней, мы останавливались въ киргизскихъ кибиткахъ, разбитыхъ у колодцевъ, и тамъ проводили холодныя ночи, которыя казались намъ тѣмъ болѣе холодны, что днемъ жара стояла нестерпимая.

Долженъ еще замѣтить, что прѣсной воды въ глинистой степи мало. Кочевниками поддерживаются уже разъ вырытые кудуки или колодцы, да и тѣ отзываютъ солью.

Случалось впрочемъ встрѣчать и такія ямы съ водою, гдѣ была какая-то вонючая зеленая кашица, въ которой плавало нѣсколько облѣзлыхъ труповъ злополучныхъ тушканчиковъ. Жажда-ли привлекла этихъ животныхъ къ водѣ и они по неосторожности упали въ нее, или-же влетѣли туда нечаянно, убѣгая отъ какого нибудь хищника—сказать трудно.

Въ срединѣ сентября добрались, наконецъ, и до Кара-Кудука, одинокой станціи на почтовомъ трактѣ. Никакихъ строеній—кругомъ ничего живаго. Куда не посмотри, все гладко и плоско. Съ одной только стороны на горизонтѣ что-то бѣлѣетъ—это начинаются Кара-Кумы. Здѣсь насъ ждали верблюды и все необходимое для неизвѣстнаго путешествія. Кто знаетъ—что можетъ случиться? чего слѣдуетъ ожидать?

Такъ какъ объ этихъ пескахъ я имѣлъ уже случай говорить печатно (1) то здѣсь могу ограничиться только краткимъ resumé моей статьи.

Пески оказались вовсе нетакъ страшны, какъ мы этого ожидали. Ихъ центральную часть нельзя даже сравнить съ тою окраиной, по которой пролегаетъ почтовая дорога и которая упирается въ Сарычаганакскій заливъ Аральскаго моря. Вода вездѣ можетъ быть добыта весьма легко—стоитъ выкопать яму и совсѣхъ ея боковъ брызнутъ мелкія многочисленныя струйки; черезъ полчаса получается кудукъ годный для употребленія. Между высокими песчаными холмами (барханами) то и дѣло встрѣчаются зеленые луга камыша, кусты тальника, джидды и многихъ другихъ растеній. Оказалось, что всѣ почтовыя станціи получаютъ свои тысячи пудовъ сѣна изъ этой части Кара-Кумовъ. Нѣсколько разъ натыкались мы на остатки своеобразнаго дерева—саксаула, дерева, древесина котораго настолько плотна, что тонетъ въ водѣ; листьевъ растеніе это неимѣетъ и потому напоминаетъ хвойныя. Уродливый приземистый стволъ покрытъ пучками зеленыхъ гибкихъ и тонкихъ вѣтвей, на которыхъ еле замѣтны чешуйки—зачатки листьевъ. Прежде саксаулъ встрѣчался

---

(1) *Н. Сорокинъ.* Средне-Азіятскіе Кара-Кумы и французскія ланды (Русскій Вѣстникъ 1879. 12-я кн.) и мое-же «Путешествіе въ Среднюю Азію и Францію въ 1878 и 1879 годахъ. 1881».

гораздо чаще въ этихъ мѣстахъ, теперь-же — попадается какъ исключеніе. Причиною служитъ то, что Аральская флотилія истребляетъ его въ громадномъ количествѣ, такъ какъ оно доставляетъ превосходное топливо. Цѣлые караваны нагружаются грустными остатками вырванныхъ корней и стволовъ, и идутъ въ Казалинскъ, гдѣ и поступаютъ въ склады флотиліи.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кара-Кумы — сыпучи. При сильномъ вѣтрѣ верхушки бархановъ точно дымятся, песчинки съ сухимъ звономъ несутся впередъ и холмы, мѣняя свои очертанія, могутъ передвигаться, сливаться по нѣсколько, образовать высокія валы, и пр. Казалось-бы, что въ этихъ мѣстахъ трудно бороться съ пескомъ. Но, стоитъ только присмотрѣться повнимательнѣе къ тому, отчего барханы становятся сыпучими?—и мы увидимъ, что причина кроется въ самомъ человѣкѣ. И въ самомъ дѣлѣ. Киргизы, кочуя въ Кара-Кумахъ и проводя въ нихъ зиму, уничтожаютъ своими стадами и табунами растительность укрѣпляющую почву. Мало того, кочевники вырываютъ корни многихъ растеній для топки. Само собою разумѣется, что разрыхленный песокъ выдувается вѣтромъ все больше и больше и мѣстность покрытая зеленью, черезъ нѣсколько лѣтъ покроется глубокимъ слоемъ сыпучаго песку. Что это все не фантазія— можно бы было доказать множествомъ примѣровъ взятыхъ изъ Европы; я напомню только Вамъ извѣстный разсказъ Старинга; онъ говоритъ, что одна изъ самыхъ громадныхъ дюнъ Фрисландіи обязана своимъ происхожденіемъ тому обстоятельству, что изъ песчаной почвы скрѣпленной растительностью былъ вырванъ съ корнемъ одинъ только дубъ; изъ этого маленькаго мѣстечка потекло такое громадное количество песку, что онъ затопилъ, такъ сказать, всю окрестность. Такимъ образомъ вопросъ объ облѣсеніи Кара-Кумовъ разрѣшается весьма просто: стоитъ только на той полосѣ земли по которой пройдетъ Средне-Азіатская желѣзная дорога, запретить киргизамъ уничтожать такимъ варварскимъ способомъ растенія и пески сдѣлаются неподвижными; пусть они косятъ траву, рубятъ кусты, но не *вырываютъ* то и другое съ корнемъ.

Кромѣ того, тальникъ и мн. др. кустарники легко принимаются въ пескѣ, такъ какъ вода рѣдко бываетъ глубже 2 аршинъ подъ поверхностью почвы; слѣдовательно, можно

устроивать живыя изгороди, вонзая колья растеній прямо въ сыпучую почву по обѣимъ сторонамъ полотна дороги.

Таковыми, противъ ожиданія, оказались непривѣтливые и грозные Кара-Кумы.

Въ концѣ сентября въ одно прохладное утро завидѣли мы на горизонтѣ черную точку. Эта черная точка оказалась—Кара-Тугай, такая-же одинокая станція какъ и Кара-Кудукъ. Но за то, какъ разъ сзади двора заваленнаго копскимъ навозомъ, въ которомъ между прочимъ нашлось нѣсколько убитыхъ ядовитыхъ змѣекъ, такихъ-же какъ я поймалъ въ глинистой степи,—сверкала Сыръ-Дарья, широкая, полноводная.

Отъ Кара-Тугая возвращались уже на почтовыхъ. Казалинскъ съ своими пирамидальными тополями, напомнившими мнѣ родную Малороссію, оказался весьма порядочнымъ городкомъ, а фортъ, гдѣ стояло нѣсколько баркасовъ, покачивался какой-то весьма древній параходъ и свистѣли мѣха въ мастерскихъ—совсѣмъ уже перенесъ насъ въ Европу. Но, мы недолго пробыли здѣсь; каждый спѣшилъ по домамъ,—октябрь наступилъ. При фантастическомъ свѣтѣ молодой луны промелькнуло Аральское море, потомъ пошли засыпаемыя пескомъ станціи, пустынный Иргизъ, маленькій Орскъ и вотъ мы въ Оренбургѣ—мѣстѣ совсѣмъ уже цивилизованномъ. Такъ кончилось мое первое странствованіе по Кара-Кумамъ.

Если передъ моимъ путешествіемъ въ Кара-Кумы я чувствовалъ себя какъ-то „не по себѣ“, то всякому будетъ понятно мое волненіе, когда пришлось отправляться на цѣлыя полгода въ страны, прилегающія къ Авганистану, посѣщаемыя текинцами и граничащія съ Хивинскимъ оазисомъ. Эта полоса земли, находящаяся о бокъ съ Бухарскими владѣніями и орошаемая Аму-Дарьей представлялась въ моемъ воображеніи въ высшей степени интересной.

И вотъ, 22-го апрѣля 79 года, изящный и громадный „Бенардаки„ запыхтѣлъ, задымился и отчалилъ отъ Казани, а 12-го мая—я уже былъ въ Оренбургѣ. Т. е., собственно говоря, отъ Оренбурга ничего не осталось: пять пожаровъ окончательно уничтожили городъ, лежали только груды дымящихся развалинъ. Мнѣ хотѣлось вернуть время да-

ромъ затраченное въ Самарѣ и поэтому я тотчасъ-же выѣхалъ въ степь, желая захватить весеннюю флору.

Время стояло чудное: свѣтлыя ночи, ясные не жаркіе дни. Проѣзжая Губерлинскія горы, я еще разъ немогъ налюбоваться ими. Такія мягкія очертанія, такая игра тѣней и свѣта, такія неожиданныя живописныя ущелья. Наслаждаясь видами, незамѣтили какъ доѣхали почти до Орска. На послѣдней станціи, по обыкновенію, явилась цѣлая толпа казачекъ съ пуховыми громадными платками, извѣстными почему-то подъ названіемъ „оренбургскихъ шалей“ и начался самый оживленный торгъ. Платки обыкновенно покупаются здѣсь на мѣстѣ около 15 руб., продаются въ Казани по 30, 40, а въ Петербургѣ около 70 р. с. Удивляешься терпѣнію этихъ труженицъ, сидящихъ цѣлую зиму для того, чтобы выработать такую ничтожную сумму.

За Орскомъ я не узналъ степь. Въ прошломъ году здѣсь была вызженная солнцемъ, голая, безцвѣтная поверхность земли, теперь-же—это былъ зеленый сплошной коверъ; на каждомъ шагу приходилось переѣзжать черезъ озерца—остатки снѣговой воды. Цѣлыя тучи дичи съ крикомъ и шумомъ носились надъ головой. Мой товарищъ зоологъ то и дѣло стрѣлялъ, останавливался, подхватывалъ мертвую или раненую птицу, и скоро въ тарантасѣ стало тѣсно, онъ превратился въ музей.

Даже дальше на югъ, къ Иргизу, степь была зелена и привѣтлива, хотя бассейновъ попадалось меньше. Множество сурковъ бѣгали по обѣимъ сторонамъ дороги и пронзительно свистали, завидя насъ. Попадались громадные орлы съ голыми головами, сидящіе неподвижно на мертвомъ верблюдѣ. Эти грифы дотакой степени наѣдаются падали, что послѣ сытнаго обѣда не въ состояніи подняться на воздухъ.

Наконецъ, сотни черныхъ степныхъ жаворонковъ кружились надъ нашимъ тарантасомъ.

Изъ Иргиза мы свернули въ пески Джаръ-Булакъ, отстоящіе отъ города верстахъ въ 20. Хотѣлось мнѣ хоть здѣсь познакомиться съ весеннею барханной флорой.

Съ нѣсколькими казаками и киргизами поселились мы въ хорошей кибиткѣ. Поставили ея между высокими песчаными холмами, въ томъ мѣстѣ гдѣ изъ подъ сыпучей почвы пробивался холодный прозрачный ключъ. Прямо противъ насъ раскидывалась плоская степь. Кое гдѣ виднѣлись со-

лончаки, а на горизонтѣ, на небольшомъ возвышеніи, рѣзко выдѣлялась бѣлая мазарка т. е. глиняная часовня, надъ могилой киргиза. Во всей киргизской степи, включая сюда и пески, кромѣ могилъ само собою разумѣется не можетъ встрѣтиться никакое другое строеніе. Только они одни нѣсколько оживляютъ ландшафтъ (если только позволено такъ выразиться). Могилы бываютъ довольно разнообразны по своему наружному виду. Иногда встрѣтится нѣчто въ родѣ продолговатаго саркофага, сдѣланнаго изъ глины; иногда нѣчто въ родѣ болѣе или менѣе высокихъ столбовъ; иногда четырехъугольное пространство обнесено невысокой стѣной, построенной изъ слоевъ сухаго камыша, древесныхъ сучьевъ и глины, чередующихся между собою, а иногда—надъ прахомъ богатаго кочевника возведено цѣлое зданіе. Оно тоже четырехъугольной или многоугольной формы у основанія, имѣетъ высокій куполъ и узкую низкую входную дверь. Случается, что наверху купола помѣщается изображеніе деревяннаго сокола, но чаще эти грубовыдѣланныя птицы совершенно отсутствуютъ.

Войдя въ зданіе, Вамъ представится нѣсколько могилъ различной величины. Самая большая принадлежитъ главному покойнику, поменьше—его женамъ, и, наконецъ, еще меньше—дѣтямъ ихъ. Но интереснѣе всего – стѣны разукрашенныя синими и розовыми красками, изображающія сцены изъ жизни умершаго номада. Здѣсь вы увидите и охоту, и стада, и караваны верблюдовъ, и, если киргизъ путешествовалъ въ Индіи, то и слоновъ. Правда, фигуры грубы, аляповаты, но наблюдательность доморощенныхъ художниковъ и реальность рисунка позволитъ Вамъ узнать почти всегда даже изображенное животное: сайгакъ такъ и выглядитъ сайгакомъ, соколъ—соколомъ, и проч. Разсматривая стѣны—читаешъ всю біографію покойника, видишь его подвиги, геройскія схватки съ тиграми, считаешъ его богатства.

Мазарки по большей части встрѣчаются стоящими по одиночкѣ. Рѣдко можно наткнуться на холмъ, застроенный мазарками различной величины, столбами (круглыми и четырехъугольными), полуразрушенными саркофагами. Такія кладбища издали легко можно принять за деревеньки, аулы или, пожалуй, городки. Но, приближаясь, скоро убѣждаешь-

ся въ томъ что эти зданія составляютъ городъ мертвыхъ, что они также безмолвны, какъ и окружающая пустыня.

Поселившись въ Джаръ-Булакѣ, экскурсируя между высокими барханами—я приходилъ положительно въ восторгъ отъ окружающей природы. Представьте себѣ декорацію изъ песчаныхъ холмовъ самыхъ разнообразныхъ очертаній. Блеснетъ ли солнце—они загорятся искрами какъ золото, взойдетъ-ли луна и они становятся неузнаваемы: мягкіе очертанія откосовъ принимаютъ матовый голубоватый оттѣнокъ, песчинки точно свѣтятся. Между неподвижными барханами, на не большой площадкѣ собрались чуть не всѣ представители флоры: тутъ видите развѣсистые кусты тальника; приземистая колючая джидда льетъ ароматъ сладкій, удушающій; джузгены увѣшаны чудными розовыми гирляндами плодовъ и такъ густо, что вѣтокъ даже невидно. Между этими крупными формами зеленѣютъ чій, кіякъ, пріютился хвощь съ своею странной физіогноміей, а тамъ, туда дальше въ долинку, стоитъ какъ лѣсъ свѣжій высокій камышъ и точно шепчетъ, кивая пушистыми метелками.

Днемъ, когда мы еле могли работать отъ жары, интересно было наблюдать въ дверь кибитки, что дѣлается передъ нами: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ входа въ небольшомъ углубленіи, сдѣланномъ въ пескѣ копытами лошади, возится черный большой почти квадратный жукъ. Онъ хлопочетъ надъ круглымъ кусочкомъ навоза, катаетъ его задними ногами и упершись головою и передними крѣпкими лапками въ дно ямки, старается взвлечь свою ношу на верхъ. Навозъ принялъ совершенно правильную шарообразную форму и едва достигнетъ до верхняго края, какъ снова скатывается внизъ. Жукъ опять принимается за дѣло съизнова, наподобіе мифическаго Сизифа, именемъ котораго онъ прежде и назывался.

Множество мелкихъ ящерицъ шныряютъ туда и сюда, съ любопытствомъ поднимая умныя мордочки. Но вотъ откуда-то выскочило сравнительно большое животное, напоминающее собою отчасти ящерицу, отчасти рисуемыхъ драконовъ, только безъ крыльевъ. Оно имѣетъ длины около четверти, цвѣта песочнаго, съ огромной пастью и перепончатыми отростками на щекахъ, въ видѣ бакенбардовъ. Эти отростки, смотря по расположенію духа животнаго мѣняютъ свой цвѣтъ—то дѣлаются темномалиновыми, то отливаютъ

радужными оттѣнками, то, наконецъ, становятся блѣдными, еле замѣтными. Мимо летитъ большая муха. Пасть страннаго животнаго открывается, изъ нея мгновенно выскакиваетъ длинный выдвижной языкъ, схватываетъ насѣкомое и оно исчезаетъ.

Если за этой большой ящерицей бѣгать съ цѣлью поймать, то выбившись изъ силъ, она останавливается, быстро быстро разгребаетъ лапками песокъ направо и налѣво, и погружается въ него, какъ въ воду.

Мой товарищъ поймалъ, кромѣ того, въ первый-же день нашего пребыванія, черную большую змѣю, неядовитую, но интересную по сходству въ нѣкоторомъ отношеніи съ боа или удавомъ: схвативши свою добычу, она обвиваетъ ее своими кольцами, задушаетъ и уже потомъ проглатываетъ. Когда мы брали змѣю въ руки, гладили ее, сажали въ коробку, то киргизы приходили въ неописанный ужасъ и ожидали съ минуты на минуту, что мы умремъ, пораженные ядомъ.

Случилось видѣть намъ и пугливаго зайца, налетѣвшаго нечаянно на нашъ ночлегъ. Видѣли и безчисленное множество мелкихъ ястребовъ, парящихъ съ крикомъ надъ нашей стоянкой.

Однимъ словомъ, скажу откровенно, изъ песковъ не хотѣлось опять тащиться въ тарантасѣ, неостанавливаясь въ продолженіи нѣсколькихъ сутокъ.

Тѣмъ неменѣе однако пришлось испытать, что такое значитъ выбитая дорога, масса лёсовой солонцоватой пыли и очнуться только въ Перовскѣ. Въ Казалинскѣ не зачѣмъ было остановливаться на особенно долгое время.

Перовскъ или Акъ Мечеть непредставляетъ ничего особеннаго. Крѣпость съ глиняной стѣной, остаткомъ древней развалившейся башни по срединѣ, рвомъ черезъ который виситъ подъемный мостъ—все это покрыто толстымъ слоемъ пыли. Пыль стоитъ въ воздухѣ, пыль лѣзетъ въ окна и двери, носится тучей, даже и ночью, надъ городомъ. Интереснѣе всего оказалось то, что я здѣсь въ первый разъ увидѣлъ разнолистный развѣсистый тополь: на одномъ и томъ-же экземплярѣ дерева Вы можете найти продолговато яйцевидные листья, и почковидные, и раздвоенные въ видѣ сердца.

Пришлось немного похлопотать у начальства чтобы исходатайствовать возможность побывать въ Кара-Узякѣ. Подъ

этимъ именемъ извѣстно множество рукавовъ Сыръ-Дарьина которые рѣка распадается, и гдѣ она окончательно пропадаетъ въ дѣвственномъ лѣсу камыша.

Много писалось проэктовъ, много говорилось о томъ: нельзя-ли эту часть Сыра превратить въ судоходную? Но остановка была за недостаткомъ знакомства съ этимъ лабиринтомъ узкихъ каналовъ, изъ котораго невыѣдешь обратно, безъ опытныхъ киргизовъ рыбаковъ. Разсказываютъ даже, что тамъ, въ этихъ таинственныхъ зарослях, существуютъ передвижные, плавающіе острова; что впередъ можно проѣзжать въ душегубкѣ, а назадъ—легко встрѣтить совершенно невзначай стѣну камыша, точно выросшаго въ два часа; что каналы смотря по вѣтру то разширяются, то съуживаются, какъ будто живыя существа, зорко стерегущія свои владѣнія. Прибавимъ ко всему этому, что здѣсь въ этихъ непроходимыхъ и непролазныхъ мѣстахъ царствуетъ тигръ, здѣсь онъ единственный властелинъ.

Таковъ Кара-Узякъ, въ который мнѣ хотѣлось пробраться. Благодаря любезности коменданта, на другой-же день мнѣ обѣщано было изготовить желѣзный баркасъ и дать нѣсколько казаковъ.

А пока—отвели помѣщеніе въ клубѣ. Клубъ есть длинное одноэтажное глиняное зданіе, лѣтомъ совершенно необитаемое. Громадный залъ, чуть не съ сотней оконъ и безъ мебели, казался сараемъ, изъ него была дверь съ портьерами, ведущая въ дамскую уборную. Въ ней по стѣнамъ сдѣланы глиняныя земляныя лавки, стоитъ разбитое зеркало—и больше ничего. Вотъ въ этой-то дамской уборной и поставили мнѣ кровать. Когда я явился туда въ этотъ пустынный домъ, съ затхлымъ спертымъ воздухомъ и собирался уже потушить свѣчу,—что-то шлепнулось съ потолка на подушку. Оказалась фаланга—паукъ съ четырьмя сильными хитиновыми челюстями. Онъ быстро бѣгаетъ и причиняетъ своимъ укушеніемъ страшную нестерпимую боль.

Неуспѣлъ раздавить одинъ экземпляръ фаланги, какъ шлепнулся другой, потомъ—третій.

Дѣлать нечего—перетащилъ кровать на средину залы, осмотрѣлъ потолокъ и кое какъ вздремнулъ до утра. Съ восходомъ солнца я былъ уже въ баркасѣ. Сыръ-Дарья подъ Перовскомъ довольна широка. Берега покрыты были въ то время цвѣтущей колючкой, въ кустахъ трещалъ азіатскій со-

ловей. Но нельзя и сравнить его пѣнія съ пѣніемъ нашего, это только жалкая пародія, какая-то каррикатура.

Вечеромъ остановились въ камышахъ, зажгли костры, поочереди караулили сами себя. Каждую минуту думалось, что вдругъ выскочитъ полосатое гибкое тѣло съ громадной головой и страшными зубами Однако тигръ не появлялся, а мы не могли сомкнуть глазъ отъ другаго врага—отъ массы комаровъ, которые съ надоѣдливымъ звономъ подбирались подъ кисею, плотно облегавшую наши лица. Едва сверкнули первые лучи солнца, какъ мы уже отправились въ дальнѣйшій путь. Рѣка становилась уже. Направо отдѣлился большой рукавъ; мы поплыли по немъ. Съ трескомъ вылетѣлъ фазанъ, пронесся надъ нами и тяжело опустился въ камышъ, прежде чѣмъ кто нибудь успѣлъ схватить ружье.

Скоро мы забрались уже въ такія мѣста, что баркасъ съ трудомъ плылъ дальше. Берегъ очистился. На немъ оказался киргизскій аулъ. Здѣсь порѣшили оставить наше судно, и мнѣ пришлось пересѣсть въ душегубку къ двумъ киргизамъ. Дно во многихъ мѣстахъ этаго утлаго челна законопачено было тряпками, сквозь нихъ сочилась вода, каждыя пять минутъ слѣдовало отливать ее черпакомъ.

Быстро понесся я впередъ. Черезъ полъ-часа въѣхали въ зеленый корридоръ. Камыши сплетались надъ головой, возвышались сплошной стѣной справа и лѣва. Теченіе было настолько быстро, что во многихъ мѣстахъ душегубка скользила какъ по водопаду, рѣка шипѣла между стеблями камыша. Все глуше и глуше становились каналы, пока наконецъ мы не стали—дно стукнулось объ мель. Вооружившись шестами, пошли въ бродъ, но черезъ полчаса снова стали въ зарослях, такъ какъ дороги неоказалось. Въ небѣ надъ нами парили бѣлые пеликаны съ громадными мѣшками подъ клювомъ. Они иногда до такой степени близко пролетали отъ насъ, что чувствовалось вѣяніе ихъ крыльевъ. Какъ видно, дичъ не очень-то боится здѣсь человѣка.

Обратный путь былъ не сравненно тяжеле. Пришлось идти противъ теченія, упираясь палками, хватаясь за камышъ руками, дѣло шло медленно, голова кружилась.... Развлеченіемъ служило то, что киргизъ то и дѣло втыкалъ острогу или трезубецъ въ воду и вытаскивалъ оттуда громадныхъ усачей. Какимъ образомъ видѣлъ онъ рыбу—одинъ Богъ вѣдаетъ!—только разъ промахнулся. Случилось однако, что ду-

шегубка наткнулась вѣроятно на спящаго сома, которыхъ здѣсь множество,—испуганная рыба до такой степени сильно ударила хвостомъ, что волна захлестнула нашу лодчонку, къ немалой досадѣ рыбака. Сомы въ Кара-Узякѣ дѣйствительно достигаютъ громадныхъ размѣровъ: мнѣ приходилось видѣть выброшенные на берегъ черепа, которые имѣли въ поперечникѣ до 1½ четверти (конечно въ затылочной части). Само собою разумѣется, что такой прѣсноводный китъ могъ-бы справиться съ нами, если-бъ обладалъ по больше храбростью.

Утомленные добрались мы до аула, гдѣ и остались ночевать.

Приведши въ порядокъ колекціи, мы распростились съ гостепріимными гражданами пыльнаго Перовска и пробравшись черезъ нѣсколько рощицъ саксаульнаго дерева, по страшно ухабистой дорогѣ, прибыли въ одну изъ тихихъ лунныхъ ночей, въ Туркестанъ. Обсаженныя деревьями улицы этого города, привѣтливо мигающіе огоньки въ окнахъ, наконецъ, довольно чистая станція—все показалось намъ весьма пріятнымъ послѣ неудобнаго и труднаго пути. Это было первое болѣе или менѣе порядочное мѣстечко, которое попалось намъ на дорогѣ отъ Сыръ Дарьи.

На довольно большомъ холмѣ стоятъ сгруппированными казенныя зданія крѣпости, стѣна съ воротами и знаменитая мечеть, или лучше сказать развалины мечети, съ могилой пророка Хазрета. Кругомъ цитадели расположился городокъ съ тѣнистыми бульварами, орошаемыми арыками. Киргизы, сарты, русскіе солдатики и офицеры, даже дамы съ зонтиками сновали по улицамъ, гдѣ, благодаря базарному дню была страшная толкотня.

Само собою разумѣется, что главное наше вниманіе обратило на себя мечеть. Зданіе было дѣйствительно великолѣпно. Разноцвѣтныя глазированные кирпичи пестрятъ наружныя стѣны, обвалившіеся минареты стоятъ по бокамъ входа. Подъ крышей, когда то поднимавшейся смѣлымъ куполомъ, лѣпятся нѣсколько громадныхъ гнѣздъ съ задумчивыми аистами.

Войдя въ зданіе невольно останавливаешься передъ громаднымъ металлическимъ чаномъ изящной работы, имѣющемъ форму вазы. Вокругъ него стоятъ бунчуки съ ветхимъ конскимъ волосомъ. У входа въ главный придѣлъ, гдѣ покоится

прахъ пророка помѣщены большіе мѣдные, когда-то позолоченные шандалы; дверь, ведущая въ святилище, поражаетъ прекрасной рѣзной работой.

При мечети когда-то находилось и медрессе т. е. высшее училище. Кельи муллъ и учениковъ расположены въ два этажа. Изъ нихъ въ верхнемъ—обитаютъ въ настоящее время только стаи одичавшихъ кошекъ. Въ особомъ помѣщеніи, по пятницамъ, убиваютъ барановъ, приводимыхъ правовѣрными въ даръ муллламъ, которые варятъ тутъ-же эти добровольныя пожертвованія и поѣдаютъ вмѣстѣ съ прихожанами. Здѣсь-же въ мечети имѣется и колодецъ.

Говорятъ, что описываемое зданіе построено Тамерланомъ 490 лѣтъ тому назадъ на могилѣ сартовскаго святаго пророка Султана Хаджи-Ахмета-Хазрета. По поводу этой постройки существуетъ слѣдующая легенда:

Однажды Магометъ училъ народъ и приводилъ его въ восторгъ силою своего ума и слова. Видя восхищеніе своихъ слушателей, Пророкъ сказалъ: „Черезъ 500 лѣтъ послѣ моей смерти явится на землѣ святой человѣкъ, который будетъ одаренъ даромъ пророчества не менѣе меня!... Но, прибавилъ Магометъ, нескрою отъ васъ и того, что мнѣ необходимо передать этому будущему избранному одинъ талисманъ. Кто изъ васъ согласится сохранить эту вещь и доставить по принадлежности?“.

Тогда изъ толпы вышелъ старецъ. Онъ былъ благочестивъ, прожилъ уже 500 лѣтъ и назывался Арслонъ-бобъ. Изъявивши готовность отыскать святаго, старецъ спросилъ Магомета; „Гдѣ-же долженъ я найти избраннаго“?

— Иди, отвѣчалъ пророкъ, въ городъ далекій, лежащій отсюда на сѣверо-восточной сторонѣ. Городъ этотъ называется Туркестанъ; тамъ находится медрессе, а въ числѣ учениковъ найдешъ и новаго пророка.

— Но, какъ-же я узнаю его? чѣмъ онъ отличается отъ обыкновенныхъ смертныхъ? допытывалъ Арслонъ-бобъ.

— Когда всѣ ученики будутъ выходить изъ училища и радостно побѣгутъ домой, останется у дверей только одинъ; онъ набожно сложитъ руки и медленно пойдетъ спиной впередъ. Спроси его—какъ зовутъ? странный юноша отвѣтитъ—Хазретъ. Тогда передай ему вотъ эту ягоду, въ которой сокрытъ мой талисманъ, мое завѣщаніе. Но, помни, старецъ, прибавилъ Магометъ, что ягоду эту надобно сохранять осто-

рожно во рту, за устами, въ теченіи 500 лѣтъ; ее нельзя ни помять, ни разгрысть, ни раздавить—иначе горе тебѣ и всему народу!

— Исполню свято твое завѣщаніе, отвѣчалъ старецъ... И если умру ранѣе указаннаго срока, то берусь найти человѣка, который возмется за продолженіе начатаго мною дѣла.

Однако благочестивому Арслонъ-бобу удалось самому исполнить волю пророка. Онъ прожилъ еще 500 лѣтъ, добрался до Туркестана и здѣсь нашелъ все такъ, какъ говорилъ и предсказывалъ Магометъ.

Когда молодой святой получилъ ягоду, то спросилъ у посланнаго: „Что-же ты высосалъ изъ нее весь жиръ, а отдаешъ мнѣ кость?“

Тѣмъ не менѣе принялъ даръ пророка, сталъ учить народъ, прославился добрыми дѣлами и вскорѣ пріобрѣлъ себѣ славу самаго умнаго и благочестиваго человѣка. Само собою разумѣется—явились завистники, вздумавшіе погубить проповѣдника. Двое изъ старѣйшинъ города велѣли украсть корову, убить ее, а кожу и голову подбросить въ домъ Хазрета. На другой день по городу забили тревогу, пустились розыскивать пропажу и къ удивленію всѣхъ нашли у святого окровавленные остатки украденнаго. Народъ былъ въ смущеніи, незная какъ объяснить подобный фактъ, а старѣйшины обвинили уличеннаго въ воровствѣ.

— Если я укралъ корову, заявилъ тогда спокойно Хазретъ, то пусть я превращусь въ собаку; если-же—это неправда, то пусть виновники этой исторіи сейчасъ сдѣлаются собаками.

Неуспѣлъ святой докончить фразы, какъ въ туже минуту оба старѣйшины превратились: одинъ—въ бѣлую, другой—въ черную собаку, которыя поджавъ хвосты стремительно выбѣжали изъ дома Хазрета.

Новое чудо еще болѣе привлекло къ святому сердца правовѣрныхъ, совсѣхъ сторонъ стали стекаться слушать его поученія.

Хазрету въ это время было 60 лѣтъ. Онъ вырылъ себѣ пещеру и молился въ ней еще 60 лѣтъ. Толпы народа стояли у пещеры и слушали. Пророкъ приходилъ въ экстазъ и въ это время испускалъ изо рта пѣнистую слюну, которая

попадая на кого нибудь изъ слушающихъ, дѣлала его святымъ.

Въ мѣстѣ своего ученія Хазретъ и умеръ. Его похоронили тутъ же и насыпали надъ нимъ земляной курганъ.

Что касается до праведнаго старца Арслонъ-боба, то исполнивши обѣщаніе, данное Магомету, онъ удалился въ г. Отроръ, лежащій на Сыръ Дарьѣ, 40 верстъ южнѣе города Туркестана и тамъ вскорѣ скончался.

Когда Тамерланъ во главѣ своего многочисленнаго войска шелъ изъ Самарканда на Россію, то остановился въ Туркестанѣ. Онъ слышалъ о святомъ, но невполнѣ вѣрилъ въ его могущество. Тѣмъ не менѣе однако заявилъ, что если Хазретъ поможетъ ему завоевать Россію и взять Москву, то надъ простой могилой пророка онъ соорудитъ великолѣпную мечеть.

И приснился въ ту-же ночь Тамерлану сонъ. Хазретъ явился къ нему и предсказалъ: „Много ты русскихъ городовъ разоришь, но Москвы невозмешь“.

Предсказаніе сбылось. Однако властитель Азіи велѣлъ строить мечеть. Но, несмотря на громадное количество рабочихъ, несмотря на всѣ старанія мастеровъ — дѣло нешло: что сложено было днемъ, разваливалось ночью. Наконецъ, явился Тамерлану опять Хазретъ и сказалъ.

— Выстрой сначала мечеть надъ могилой святаго ранѣе меня жившаго и неменѣе меня славнаго. Святой этотъ Зимга-Ате (Зенготе) похороненъ въ 15 верстахъ отъ Ташкента, въ городѣ, названномъ въ честь его Зенготъ.

Желаніе пророка было исполнено, и въ Туркестанѣ явилась мечеть, удивлявшая своей красотой и роскошью всѣхъ богомольцевъ.

Теперь, какъ мы видѣли, отъ зданія остались только одни грустные остатки, но и по нимъ можно судить—что это-такое было!

Все интереснѣе и интереснѣе становится дорога, чѣмъ ближе мы подвигаемся къ Ташкенту. На лѣво, на горизонтѣ синѣютъ горы Кара-Тау. То и дѣло встрѣчаемъ балки, пологіе подъемы, зеленыя поля клевера. Замѣтно сейчасъ, что подъѣзжаешь къ мѣсту болѣе населенному, болѣе обработанному. Но вотъ и Ташкентъ, бѣгущій къ намъ на встрѣчу изъ утренняго тумана. Превосходно построенный тюремный замокъ, большія красивыя дома гимназіи, большая площадь, строй-

ные ряды тополей, образующіе зеленыя высокія стѣны по бокамъ улицъ—все это пріятно поражаетъ. А вотъ и главный „проспектъ“,—зеркальныя окна магазиновъ, движеніе извощиковъ, щегольскихъ экипажей; тутъ-же тянется медленнымъ шагомъ караванъ верблюдовъ съ киргизомъ впереди. Мелкой рысью съ мѣшками какихъ-то товаровъ летитъ сартъ съ красивымъ лицомъ, въ шелковомъ халатѣ и тебетейкѣ. Двѣ странныя фигуры стоятъ на бульварѣ и съ жаромъ разговариваютъ: они темнобронзоваго цвѣта въ высокихъ красныхъ шапочкахъ надвинутыхъ на затылокъ, съ курчавыми длинными волосами, черными глазами и зубами ослѣпительной бѣлизны. Костюмъ ихъ легокъ—бѣлая рубашка и какія то сандаліи. Въ промежуткахъ между бровями, какъ разъ надъ переносьемъ, замѣтно красное огненное пятно. Эти фигуры—индѣйцы занимающіеся въ Ташкентѣ и вообще въ городахъ средней Азіи постыднымъ ремесломъ-ростовщичествомъ.

Мы попали въ азіятскій Парижъ рано утромъ. Сарты, въ костюмѣ, легче котораго не можетъ быть, поливали водой мостовую, черпая изъ арыковъ, привѣтливо журчащихъ по окраинамъ бульваровъ на каждой улицѣ; случается это два раза въ день: рано утромъ, и вечеромъ въ шесть часовъ. Въ полдень меня поразилъ пушечный выстрѣлъ, отъ котораго дрогнули стекла въ окнахъ—это на военный ладъ возвѣщаютъ всѣмъ, что наступило ровно 12 часовъ.

Особенно поражаетъ путешественника то, что здѣсь, такъ далеко отъ Европы встрѣчаются настоящіе истые Парижане „pur sang“, что магазины нисколько неуступятъ многимъ въ Россіи (исключая конечно цѣнъ, о которыхъ не спрашивайте), что вездѣ въ обществѣ слышится превосходный французскій языкъ, и проч. Клубы, театръ, концерты, семейные вечера—все имѣется. А загляните въ Кауфмановскій садъ, гдѣ ежедневно играетъ музыка, гдѣ прогуливаются всѣ, желающіе показаться и посмосмотрѣть!

Мосты, мостики, водопады, искуственные острова, горки, дорожки—приводятъ въ восторгъ человѣка, который въ долгій путь отвыкъ и мечтать объ комфортѣ и удобствѣ.

Прибавьте ко всему этому превосходный климатъ—(за все время моего пребыванія я только одинъ разъ былъ свидѣтелемъ грозы), постоянно хорошая погода, лазурное небо и растительность въ родѣ: винограда, урюковъ, Sophora japonica, Айлантусовъ, которые ростутъ быстро и походятъ своимъ

наружнымъ видомъ на пальму. Все это для насъ, жителей суроваго сѣвера, рѣдкость; за то г. Троцкій съ гордостью показывалъ мнѣ въ своемъ саду нашъ дубъ вышиною аршина въ 1½. Такова ужъ судьба всего на свѣтѣ!

Городъ раздѣленъ на двѣ половины: чисто сартовскій—старый Ташкентъ, гдѣ вы видите грязь, чуствуете вонь кунжутнаго масла, встрѣчаете сартянокъ, закутанныхъ въ синіе халаты и съ черною чадрой на лицѣ, базары, крытые отъ солнечныхъ лучей и составляющіе пункты, гдѣ собраны всѣ рѣдкости востока. Какъ-то странно встрѣтить въ этой части извощика съ барыней, красный околышъ съ кокардой, почтальона въ неизмѣнной формѣ.

Другой совсѣмъ отпечатокъ лежитъ на новомъ русскомъ городѣ.

Здѣсь все порядочно, чисто, правильно размѣрено. Только движущійся людъ перепутанъ, такъ какъ почти всѣ туземцы имѣютъ какія нибудь дѣла съ казенными заведеніями и составляютъ главный контингентъ покупателей.

Въ первый день моего пребыванія въ Ташкентѣ я былъ какъ въ чаду, до того вся обстановка была странна. Въ моемъ номерѣ въ потолкѣ вечеромъ поднялась страшная возня. Я обратился къ лакею гостинницы, указывая на то, что пожалуй этакъ мнѣ мыши и спать не дадутъ?—„Не безпокойтесь, сударь, отвѣчалъ онъ, это не мыши, это за бумагой скорпіоны водятся?.

И дѣйствительно, потомъ чуть не каждый день откуда нибудь изъ нашей гостиницы мнѣ приносили ихъ по нѣсколько.

Но, ко всему привыкаютъ, привыкъ и я. Говорили еще, что верстахъ въ сорока отъ города водится *Кара-Куртъ*, т. е. черный маленкій паукъ, укушеніе котораго смертельно, какъ для животныхъ, такъ для человѣка; но его я видѣлъ только въ спирту, у одного медика. Тарантулъ хоть и попадается громадныхъ размѣровъ, но онъ на человѣка ненападаетъ.

Можно бы было составить цѣлую лекцію объ одномъ Ташкентѣ, до такой степени оригиналенъ этотъ городъ, выросшій и создавшійся при такой необычайной, обстановкѣ. Само собою разумѣется я этого не имѣю въ виду. Укажу еще только на одно явленіе жизни, которое поразило меня несказанно.

Дѣло въ томъ, что мы Европѣйцы привыкли уважать женщину, мы цѣнимъ ея умъ, красоту, домовитость. Я конечно не заглядываю въ исторію, но говорю о настоящемъ. Ничего подобнаго въ Азіи незамѣчается, тамъ женщина—нуль, на нее никто необращаетъ никакого вниманія, она есть домашнее животное. Но и это неудивительно, это извѣстно каждому, все это въ порядкѣ вещей. Одно только не въ порядкѣ,—это поклоненіе, доходящее до обожанія—танцорамъ мальчикамъ, извѣстнымъ, въ Азіи подъ названіемъ *бачей*. Увлекаясь ими, магометане окончательно забываютъ о своей прекрасной половинѣ, они и не вспоминаютъ о красавицахъ, когда-то воспѣваемыхъ ихъ поэтами. Теперь все это забыто. Трудно себѣ представить до чего доходитъ подобное увлеченіе. Люди разоряются, мучаются ревностью, дерутся, рѣжутъ другъ друга и все изъ за смазливаго бачи, который ласково взглянулъ на того, а не на другаго. Имъ, этимъ счастливцамъ между своими, дарятъ цѣлыя сакли, одѣваютъ въ дорогія ткани; они только пьютъ, ѣдятъ и танцуютъ. Вечеринка, на которой будетъ пляска мальчика есть принадлежность всякаго зажиточнаго сарта, а попасть на нее или на *тамашу* (какъ говорятъ туземцы) также необходимо, какъ игроку идти въ клубъ.

Одинъ богатый аксакалъ (1) пригласилъ разъ и меня на тамашу. Конечно я воспользовался приглашеніемъ. Въ сообществѣ нѣсколькихъ офицеровъ отправились мы въ старый городъ. Передъ входомъ во дворъ стояло привязанными нѣсколько верховыхъ лошадей, зѣвала толпа джигитовъ, качался на шестѣ большой розовый фонарь изъ промасленнаго коленкора.

Маленкій дворъ устланъ коврами и кошмой. Въ глубинѣ подъ навѣсомъ возвышается глиняная площадка, покрытая тоже коврами и предназначенная для почетныхъ гостей. Мы усѣлись. Подали десертъ или дастарханъ. Чего тутъ не было? виноградъ, кишмишъ, урюки, дыни, персики, жареные кусочки баранины (кавардакъ) и вареныя яйца.

Началъ собираться народъ, размѣщаясь вдоль дворика, подъ навѣсомъ старыхъ карагачей. Пришли нѣсколько человѣкъ музыкантовъ—одинъ старикъ держалъ нѣчто въ родѣ

---

(1) Бѣлобородый—эпитетъ, прилагаемый къ почтенному старику.

большой скрипки, упирая ее себѣ въ колѣна ипринялся выводить смычкомъ сначала медленные тихіе звуки, перешедшіе потомъ въ быстрый маршъ, какого-то популярнаго композитора.

Но вотъ застучали барабаны мѣстнаго приготовленія: на горшкѣ натягивается кожа—и инструментъ готовъ; подали жаровню. Надъ нею начали нагрѣвать кожу, которая, высыхая натягивалась больше и потому мѣняла звукъ. Наконецъ и эти приготовленія кончились.

Всѣ присутствующіе усѣлись по стѣнамъ, образуя кругъ, ударили въ ладоши и заорали во все горло. Откуда-то вышелъ мальчикъ лѣтъ 7—8, довольно не дурной наружности, одѣтый въ халатъ и тебетейку, босой. Онъ молча поклонился и усѣлся на одномъ концѣ ковра. При его появленіи пѣніе превратилось въ ревъ и продолжалось все сильнѣе и сильнѣе. Бача всталъ, оправился и пошелъ кружить по ковру, перибирая ногами въ тактъ музыкѣ. Проходя мимо насъ или мимо кого нибудь изъ гостей-сартовъ, онъ щурилъ лукаво глазки, улыбался и кокетливо помахивалъ длиннымъ рукавомъ, спускавшимся ниже кисти рукъ. Потомъ, круги дѣлались меньше и меньше, пока, наконецъ, танцоръ не очутился въ центрѣ ковра. Затѣмъ бача началъ изгибаться назадъ и постепенно опускалъ голову до самой земли. Въ такомъ положеніи онъ пробылъ секунду и снова, быстро выпрямился. Оглушительный возгласъ былъ наградой тяжело дышавшему кумиру. Музыка забарабанила быстрый темпъ. Бача прыгнулъ, завертѣлся, и скоро посреди очарованныхъ зрителей колебался какой-то туманный столбъ: ноги, руки, полы халата, все слилось въ одну тѣнь.

Сарты пришли въ остервененіе, и когда бача разкраснѣвшійся и потный тяжело опустился на коверъ, со всѣхъ сторонъ протянулись къ нему чашки съ водой и чаемъ. Онъ долго отнѣкивался, но наконецъ принялъ напитокъ изъ рукъ богатаго старика. Дальнѣйшіе танцы были почти тоже самое съ маленькимъ варіаціями. Только при концѣ, для произведенія еще большаго эффекта, мальчикъ надѣлъ женскій костюмъ и парикъ, состоящій изъ множества длинныхъ косъ, украшенныхъ блестками и монетами. Иногда во время пляски, онъ подходилъ къ одному изъ сидящихъ туземцевъ, подавалъ ему пустую чашку, и когда тотъ протягивалъ руки, чтобы принять знакъ высокаго сочуствія со стороны красавца—

бача быстро поворачивался къ нему спиною, къ величайшему восторгу зрителей.

Не смотря на однообразіе представленія надо было видѣть лица туземцевъ. И старый и молодой не спускали горящихъ глазъ съ мальчика, рты были полуоткрыты, ноздри расширены; они машинально хлопали въ тактъ руками и боялись проронить хоть одинъ жестъ, одинъ взглядъ танцующаго.

Иногда бача во время пляски вдругъ выкрикивалъ какой нибудь речитативъ. Хоръ неистово отвѣчалъ и круженіе продолжалось часъ, продолжалось два, три, пока наконецъ въ воздухѣ неповѣяло разсвѣтомъ и мы не уѣхали.

Въ этомъ и заключается тамаша. У очень богатыхъ сартовъ пляшутъ иногда нѣсколько бачей, и каждый старается перещеголять другаго быстротой движенія, неожиданными прыжками, сгибами всего тѣла, и проч. Содержатели мальчиковъ хвастаются этимъ и въ щедротахъ и милостяхъ дѣлаютъ иногда страшныя глупости, разоряя въ концѣ концовъ свои семьи.

На меня пляска и вся тамаша не произвели пріятнаго впечатленія, но въ Ташкентѣ я зналъ русскихъ, которые ухаживаютъ и влюбляются въ бачей, точно такъ какъ въ Петербургѣ и другихъ городахъ поклоняются актрисамъ, танцовщицамъ и вообще красавицамъ. Заразительна ли эта психическая болѣзнь или же происходитъ это незамѣтно, подъ вліяніемъ окружающей обстановки—судить не берусь; но полагаю, что подобное явленіе должно относиться къ числу не нормальныхъ.

Однажды генералъ Троцкій предложилъ мнѣ сдѣлать съ нимъ очень интересный визитъ. Въ Ташкентѣ въ тѣни большаго сада, удаленный отъ соблазновъ шумной городской жизни проживалъ знаменитый въ настоящее время Абдурахманъ-Ханъ, бѣжавшій изъ своего отечества подъ покровительство Русскихъ. Здѣсь поселился онъ съ двумя своими женами и нѣсколькими джигитами.

Вотъ къ этому-то добровольному плѣннику отправлялся генералъ и я съ удовольствіемъ поспѣшилъ воспользоваться его любезнымъ предложеніемъ. Рано утромъ собралось на дачу Троцкаго много народу, побольшей части военнаго. За мной прислали верховую лошадь съ красавцемъ джигитомъ, и мы тронулись въ путь. Осмотрѣли старый крытый базаръ,

потолкались въ пестрой толпѣ и наконецъ свернули около 10 часовъ въ узкій проулокъ, черезъ который надо было пробраться къ Абдурахману.

Онъ былъ предупрежденъ заранѣе. У входа въ садъ встрѣтили насъ Авганцы въ длинныхъ черныхъ смушковыхъ остроконечныхъ шапкахъ, съ вьющимися черными волосами, бойкимъ взглядомъ и въ голубомъ костюмѣ. Они очень привѣтливо пригласили насъ слѣдовать за ними. Мы прошли мимо сакли, гдѣ находилось семейство нашего хозяина и очутились въ саду. На высокихъ четырехъ шестахъ разписанныхъ пестро и снабженныхъ разными украшеніями, растянутъ былъ легкій шатеръ. Передніе два столбика были выше остальныхъ, поэтому полотно опускалось наискось и защищало отъ солнца. Нечего и говорить что холстъ испещренъ самыми затѣйливыми узорами. Подъ этимъ навѣсомъ на громадномъ коврѣ стоялъ столикъ, нѣсколько стульевъ и табуретокъ. Абдурахманъ плотный мущина въ бѣломъ кителѣ, поясѣ, черной шапкѣ, съ окладистой бородой цвѣта воронова-крыла и чрезвычайно мягкимъ и умнымъ выраженіемъ бархатныхъ глазъ, встрѣтилъ стоя и пригласилъ сѣсть. Говорили черезъ переводчика.

Когда онъ съ интересомъ взглянулъ на мою штатскую фигуру, генералъ передалъ ему цѣль моего путешествія и указалъ на пользу предполагаемой желѣзной дороги.

— Якши, якши! замѣтилъ на это Абурахманъ самымъ спокойнымъ образомъ. Я былъ всегда убѣжденъ, что, все что не предпринимаетъ Бѣлый Царь будетъ хорошо для его подданныхъ.

Затѣмъ Троцкій попросилъ позволеніе покурить. Абдурахманъ страшно стѣснился, такъ какъ у него папиросъ неоказалось. Конечно, мы закурили, а генералъ предложилъ смущенному хозяину свои длинныя папиросы.

Онъ неумѣло взялъ одну, захватилъ ее четырьмя пальцами, закуривалъ нѣсколько разъ, и изломавши, положилъ осторожно на столикъ.

— Вѣроятно ненравится? спросилъ генералъ.

— О!. бикъ якши!... только.. только лучше ужъ позвольте этого...

И онъ указалъ на изящный нефритовый плоскій флаконъ, который лежалъ передъ глазами. Авганецъ быстро взялъ его, вынулъ пробку, которая удлинялась въ видѣ ло-

жечки, зачерпнулъ ею содержимое стклянки, и ловко положилъ за губу. То оказался нюхательный табакъ. Такова сила привычки.

Напившись прекраснаго кокъ-чая, мы роспростились. Абдурахманъ пожалъ руки и заключилъ бесѣду слѣдующими словами:

— Я былъ эти дни болѣнъ; я хворалъ даже сегодня. Но пріѣздъ генерала и его товарищей возстановилъ мои силы; если генералъ желаетъ, чтобы я былъ всегда здоровъ—онъ долженъ почаще навѣщать меня!

Нестану долѣе останавливать Вашего вниманія на Ташкентѣ, повторяю—о немъ одномъ можно-бы было прочесть цѣлую лекцію.

10-го іюля собрались всѣ члены самарской экспедиціи. Въ то время какъ большая часть изъ нихъ направилась къ Самарканду, я съ начальникомъ долженъ былъ заѣхать въ Ферганскую область или Коканское ханство.

Подъ этимъ именемъ извѣстна мѣстность въ высшей степени привлекательная. Окруженная со всѣхъ сторонъ горами, вершины которыхъ покрыты вѣчными снѣгами, она только въ одномъ мѣстѣ имѣетъ не широкую долину, по которой и извивается Сыръ Дарья; совсѣхъ же сторонъ громоздятся отроги хребтовъ. Въ этой замкнутой площади скучены кишлаки, сады, наполненные фиговыми деревьями, виноградомъ, кукурузой, джугарой и другими произведеніями флоры жаркаго климата.

Коканъ, бывшая столица ханства, построенъ тѣсно, окруженъ толстыми стѣнами, имѣетъ нездоровую воду и болѣзнь довольно сильно распространенную между народонаселеніемъ—зобъ. Наросты подъ нижней челюстью при этомъ достигаютъ иногда такихъ громадныхъ размѣровъ, что опускаются ниже половины груди наподобіе тугонабитыхъ мѣшковъ.

Въѣхали мы сюда ночью, при свѣтѣ громадныхъ факеловъ. Ихъ везли джигиты, гарцовавшіе на прекрасныхъ лошадяхъ въ облакахъ пыли. Картина была очень эффектна. Размѣстились въ старомъ загородномъ дворцѣ хана. Столѣтнія тутовыя деревья и карагачи, растущіе въ саду, могли-бы намъ много разсказать о всемъ ими видѣнномъ.

Городъ похожъ на всѣ вообще города Азіи: таже узкость улицъ, грязь, арыки, сарты, сартянки, ишаки нагру-

женные тяжестями. Интересенъ бывшій дворецъ. Къ нему ведетъ покатая деревянная дорога, по которой могъ только ѣхать одинъ ханъ.

Домъ собственно передѣланъ. Комната гдѣ грозный властелинъ творилъ судъ и расправу, превращена въ церковь или въ библіотеку, не помню. Посѣтили мы и гаремъ, конечно опустѣвшій. Это цѣлый этажъ, раздѣленный на мелкія отдѣленія рѣшетками. Проходя мимо отдѣленій ханъ могъ слѣдить за всѣми своими красавицами, коихъ насчитывалось за сотню.

Изъ Кокана надо было поѣхать взглянуть на пески, отлагаемые Сыръ Дарьей. Барханы имѣютъ странную серповидную форму. Они двигаются хотя медленно но постоянно, засыпаютъ одинъ кишлакъ за другимъ и путешествуютъ съ одного конца ханства на другой. Туземцы говорятъ, что дюна перекатывается черезъ зданіе подобно волнѣ въ промежутокъ времени въ пятьдесятъ лѣтъ. Мы посѣтили также и Дувана-Кишлакъ, прежде бойкое мѣстечко, имѣвшее даже торговлю, а теперь состоящее изъ нѣсколькихъ полуразвалившихся сакель. Все остальное погибло подъ натискомъ песчаныхъ барханов въ нѣсколько десятковъ аршинъ высоты.

Если-бы удалось укрѣпить пески въ мѣстѣ ихъ образованія т. е. у Сыръ Дарьи, Коканское ханство было бы однимъ изъ самыхъ роскошныхъ уголковъ земнаго шара.

Въ августѣ мы были уже въ Самаркандѣ, этомъ сердцѣ Азіи и дѣятельно собирались къ путешествію по Бухарскимъ владѣніямъ. Самый городъ до такой степени много былъ описанъ, что я съ полнымъ правомъ могу быть кратокъ.

— Недоѣзжая Самарканда за шесть верстъ остановились у широкой рѣки Зеравшанъ. Переправа черезъ нее совершается довольно сложно: вещи и Васъ сажаютъ на арбу съ высокими колесами, а тарантасъ плыветъ въ бродъ совершенно пустымъ. Кругомъ ѣдутъ десятки джигитовъ знающихъ дно, съ веревками на всякій случай; быстрота теченія до такой степени сильна, что были случаи, когда экипажи и лошадей опрокидывала волна. Моста нѣтъ никакого. Хотя нѣсколько старыхъ колосальныхъ, аровъ стоящихъ тутъ-же, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ то время когда Тамерланъ украшалъ свою любимую столицу и жилъ въ ней, сообщеніе одного берега съ другимъ совершалось черезъ мостъ, который

своею смѣлостью могъ бы пожалуй поспорить съ нашимъ Сызранскимъ.

Было время да прошло. Теперь отъ прелестей Самарканда остались однѣ только развалины, разрушающіяся день ото дня все больше и больше. Стоятъ минареты покосившіеся на сторону, молчаливо глядятъ мечети, обрушивается могила самаго Тамерлана—и все это, блестя пестрыми изразцами на солнцѣ, до сихъ поръ удивляетъ путешественника. Говорятъ, что прежній городъ былъ до такой степени изященъ и щеголеватъ, что въ обыкновенное время всѣ лучшія постройки закрывались чехлами. Вечеромъ властитель Азіи выходилъ на высокій минаретъ, приказывалъ снимать чехлы и тогда любовался трудами рукъ своихъ.

Теперь, повторяю, далеко не то. Русскіе прорѣзываютъ широкія прямыя улицы, строятъ училища, гимназіи и городъ становится неузнаваемымъ. Даже *зеленый камень*, на которомъ помѣщался тронъ Тамерлана, стоитъ теперь.... подъ навѣсомъ, на дворѣ въ казармѣ, и когда я пришелъ посмотрѣть его, то засталъ слѣдующую картину: черезъ дворъ протянута веревка, на ней провѣтриваются мундиры и прочіе принадлежности солдатскаго туалета, а молодой рекрутъ съ большимъ ружьемъ сопливо караулитъ эти богатства.

Невольно повторишь: Sic transit gloria mundi!

Въ Самаркандѣ экспедиція раздѣлилась на двѣ части: одна пошла черезъ горы, а мы (т. е. другая половина) направилась въ Карши къ бухарскому эмиру, везя подарки и имѣя въ виду попросить его содѣйствія для производства изысканій на Аму Дарьѣ.

Скучна дорога, пустынна мѣстность, бѣдны кишлаки, встрѣченные нами на пути отъ русской границы до лѣтней резиденціи эмира. Недоѣзжая верстъ 15 до города, на встрѣчу къ намъ высланы, были дрожки (единственные въ средней Азіи), на которые благодаря этикету долженъ былъ сѣсть графъ Ростовцевъ. Экипажъ былъ содержанъ превосходно, вычищенъ, лакированъ; на одной изъ дышловыхъ лошадей сидѣлъ кучеръ верхомъ, въ силу того обстоятельства, что козлы гораздо выше сидѣнья, на которомъ помѣщается гос-

подинъ, а по закону востока рабъ или слуга не долженъ даже думать *возвышаться* надъ повелителемъ.

Переваливая черезъ горы у самаго города, мы съ вершины возвышенности увидѣли зеленѣющую долину, извивающуюся рѣчку, глиняные домики Карши, закутанные въ зелень карагачей.

На полянѣ стояла блестящая свита чиновниковъ и старый бекъ, посланный встрѣтить насъ съ подобающею честью. Лошади кровные аргамаки, совсѣмъ были невидны подъ роскошными, золотомъ шитыми, попонами; красивыя ихъ головы украшались уздечками, осыпанными бирюзой и серебряными бляхами. Самъ бекъ похожъ былъ больше на какого нибудь священника въ облаченіи, чѣмъ на бухарца, такъ какъ халатъ его, затканный золотомъ, стоялъ коломъ на худомъ тѣлѣ, какъ риза. Поясъ, кинжалъ, нагайка—горѣли отъ золота, серебра, бирюзы.

Онъ протянулъ намъ всѣмъ руки, поговорилъ черезъ переводчика и вся эта пестрая свита, торжественно вступила въ городъ. На заборахъ и въ щеляхъ заборовъ стоялъ народъ, сверкали черные глаза. Намъ отвели помѣщеніе въ караванъ—сараѣ; явился министръ двора, секретарь эмира (въ чалмѣ котораго торчалъ блестящій кривой острый и не большой ножъ) и множество другихъ чиновниковъ. Вечеромъ эмиръ прислалъ своихъ бачей, фокусника, комиковъ, увѣшалъ дворъ 150 фонарями, и у насъ устроилась тамаша. Въ 10 часовъ утра слѣдующаго дня мы собрались на ауді-енцію. Вычистили лошадей, принарядились и среди народа, собравшагося посмотрѣть на „урусовъ“, поѣхали.

Передъ обширнымъ дворомъ, на которомъ были выстроены полки сарбазовъ или гвардія бухарцевъ въ красныхъ камзолахъ, желтыхъ брюкахъ, черныхъ смушковыхъ шапкахъ, съ ружьями старой системы, купленными въ Россіи послѣ крымской компаніи, слѣзли съ лошадей и продолжали наше шествіе пѣшкомъ. Въ дверяхъ ведущихъ въ залъ министры суѣтливо осмотрѣли насъ—все ли у насъ въ порядкѣ, и впустили. Какая-то робость закралась въ сердцѣ, когда я переступилъ порогъ комнаты большой, сараеобразной Посрединѣ стояло кресло старинной формы, въ родѣ тѣхъ, которыя продаются на толчкѣ или существуютъ въ глуши, въ деревнѣ какого нибудь древняго помѣщика; сидѣнье обито краснымъ кумачемъ; на немъ возсѣдалъ эмиръ.

Большая пестрая чалма и полосатый шелковый халатъ очень гармонировали съ восточнымъ типомъ его лица. Но-это лицо съ сверкающими быстрыми глазками и рѣденькой съ просѣдью бородой—было въ высшей степени подвижно. Множество мелкихъ морщинокъ, какъ сѣть покрывали щеки, выходили изъ угловъ глазъ, легли около рта Брови постоянно вздрагивали. Какъ видно этотъ человѣкъ не умѣетъ владѣть собою, да и не хочетъ. Переводчикъ представилъ насъ. Эмиръ даже не приподнялся, но съ достоинствомъ протянулъ руку и пригласилъ сѣсть на стулья расположенныя, у стѣны, по числу прибывшихъ. При этомъ, только графъ имѣлъ право занять кресло, а мы размѣстились на сидѣньяхъ безъ ручекъ и вѣроятно попавшихъ сюда также изъ Россіи.

Аудіенція продолжалась недолго. Эмиръ выразилъ согласіе на всѣ наши просьбы и пригласилъ пойти закусить. Мы снова пожали ему руку, и сопровождаемые царедворцами которые пятились до самой двери, не имѣя права повернуться спиною къ своему повелителю и униженно клапялись—перешли въ другой залъ, гдѣ былъ поставленъ дастарханъ. Тѣже дыни, виноградъ, кавардакъ, пилавъ, даже красныя яйца. Во время завтрака, принесли и положили передъ каждымъ изъ насъ тюкъ, состоящій изъ девяти халатовъ—это были подарки эмира. А потомъ, въ караванъ—сарай прислали каждому по двѣ лошади, убранныя богатою збруею и чапракомъ.

Выходя изъ дворца, разсматривая разношерстное войско, въ рядахъ котораго, не мало было и арабовъ, мнѣ бросилась въ глаза фигура атлетическаго сложенія. Она стояла опершись о колону, скрестивъ на груди мохнатыя голыя руки. За широкимъ поясомъ торчало нѣсколько малыхъ кинжаловъ, высовывалась длинная ручка ятагана. Оказалось, что фигура никто иное какъ любимый палачъ эмира. Расположеніе-же заслужилъ потому, что съ необыкновенною ловкостью отправляетъ осужденныхъ на тотъ свѣтъ.

Чтобы дорисовать картину нашего Каршинскаго пребыванія скажу еще, что изъ многихъ богатыхъ и солидныхъ подарковъ и бездѣлушекъ привезенныхъ нами, эмира болѣе всего занялъ калейдоскопъ и стереоскопъ съ картинками, изображавшими знаменитыхъ балеринъ Петербурга и Парижа. Остальное, кажется, не произвело особеннаго впечатленія. Го-

ворятъ, что вечеромъ эмиръ взялъ вещицы въ гаремъ и тамъ занимался, показывая женамъ такія интересныя машины.

Дальнѣйшій путь до Аму Дарьи былъ гораздо разнообразнѣе. Перевалили черезъ высокій хребетъ съ такими узкими карнизами, что голова кружилась, глядя внизъ; посѣтили на дорогѣ многіе городки, построенные на одинъ ладъ; проѣхали черезъ такъ называемые Желѣзные ворота — узкую щель въ горахъ, заваленную громадными глыбами камня, и наконецъ выбрались на плоскую мѣстность, по которой журчитъ Сурханъ, направляя свои струи въ Аму. Здѣсь мы снова соединились съ другой половиной экспедиціи и вмѣстѣ расположились у развалинъ Термеза на Аму Дарьѣ.

Развалины интересны въ высокой степени. Во 1-хъ онѣ ужъ обращаютъ вниманіе по пространству, которое занимаютъ и равняющееся приблизительно 12 верстамъ. Во 2-хъ здѣсь по преданію, былъ построенъ Александромъ Македонскимъ каменный мостъ, по которому онъ и направился въ свой походъ на Индію. Справедливо ли это мнѣніе, я судить не берусь, скажу только, что городъ должно быть былъ дѣйствительно замѣчателенъ Каменная превосходная набережная досихъ поръ существуетъ, досихъ поръ видны громадныя круглые устои. Сохранились нѣсколько минаретовъ, башенъ, стоитъ одинокая гробница святаго съ старыми бунчуками и превосходно сдѣланною надписью.

По ту сторону, на Авганскомъ берегу, также можно, говорятъ, видѣть остатки набережной, а во время спада водъ поперекъ Аму будто-бы высовываются остатки столбовъ громоднаго моста.

Не смотря на интересъ развалинъ, пребываніе въ этомъ мѣстѣ было крайне тягостно. Кибитокъ небыло, построили шалашъ изъ камыша, лежали въ „пыли вѣковъ“ (въ буквальномъ смыслѣ) Прибавлю, что нашъ зоологъ отыскивалъ ежедневно по нѣсколько скорпіоновъ, которые разгуливали совершенно свободно между камнями. Ко всему этому, жара стояла невообразимая, даже рѣка не умаляла этого удушающаго воздуха. Одинъ день на солнцѣ термометръ Реомюра показывалъ —51°!! Я думаю коментаріевъ къ этому не надо никакихъ.

У Термеза нѣкоторые изъ насъ, въ томъ числѣ и я, снова отдѣлились и поѣхали впередъ, внизъ по Аму, возвращаясь домой. На вонючемъ паромѣ управляемомъ бухар-

цами безъ веселъ и руля, а вооруженныхъ только длинными палками, отчалили мы отъ Термеза. Сначала все шло благополучно. Но на другой-же день поднялась буря. Волны подбрасывали насъ изъ стороны въ сторону, поворачивали кормой впередъ, ударяли о берегъ. Работать палками было конечно немыслимо. Непріятность увеличивалась еще болѣе отъ того, что насъ все прибивало къ лѣвому авганскому берегу, куда выходить было строго запрещено.

Часовъ въ 10 утра буря достигла своего maximum. Насъ прижало къ лѣвому берегу или острову-сказать было нельзя навѣрно. Высокіе камыши скрывали отъ глазъ внутренность материка. Я уже собирался выйти на сушу, чтобы поискать растеній, какъ, волна отбросила насъ на средину; но вдругъ черезъ пять минутъ паромъ опять стукнулся на прежнее мѣсто. Тогда три нашихъ казака, вмѣстѣ съ бухарцами, вышли изъ лодки, привязали къ ней веревку и потащили на бичевѣ. Дѣло пошло какъ нельзя лучше. Въ одномъ мѣстечкѣ на берегу случилась канавка, наполненная грязью. Бухарецъ шедшій впереди завязъ, казаки принялись хохотать надъ нимъ, подталкивать... Въ это время порывъ вѣтра отбросилъ насъ опять отъ берега, веревка изъ рукъ казаковъ была вырвана и насъ стало кружить по волѣ бушующихъ волнъ... Нашъ „экипажъ“, такъ сказать, остался на берегу, съ нами-же—одинъ казакъ и одинъ бухарецъ. Причалить нечего было и думать. Рѣшили слѣдить за нашими и ждать, когда вѣтру угодно будетъ насъ снова прибить къ берегу. Вдругъ до слуха нашего долетѣлъ звукъ бубна. Гулъ становился явственнѣе, ближе... На берегъ изъ камышей вылетѣлъ всадникъ въ полномъ вооруженіи, за нимъ другой, третій.... Бубенъ, употребляющійся у Авганцевъ вмѣсто барабана. гудѣлъ сильно, точно въ набатъ забили военные, поднялась суматоха... А насъ уносить все дальше и дальше, мы оставляемъ своихъ наволю злой судьбы...

На нашихъ глазахъ подъѣхали къ казакамъ всадники, окружили ихъ и увели куда-то. Долго слѣдили мы за ихъ бѣлыми рубахами, пока они не изчезли въ камышахъ.

Какое то тяжелое чувство стѣснило грудь—точно, похоронили кого нибудь близкаго. Но что-же оставалось дѣлать?

Къ вечеру кое какъ причалили къ камышамъ бухарскаго берега. Вѣтеръ нѣсколько утихъ. Развели костеръ. Разговоры неклеились. Ковсему этому гдѣ то вдали раздался

пронзительный вой шакала, къ нему присоединился другой, наконецъ, образовался цѣлый хоръ... Вой скорѣе похожъ на плачущій, ноющій вопль больнаго ребенка. Припомнилось намъ, что шакалы всегда слѣдуютъ за тигромъ, и стало представляться, будто изъ темноты сверкаютъ голубоватые огоньки глазъ хищника...

Цѣлую ночь провели отвратительно... Передъ разсвѣтомъ поднялся мѣсяцъ, какой-то красный, обрѣзанный... Стало холодно. Вобще такія минуты остаются въ памяти на всю жизнь...

Когда мы прибыли въ Келифъ, небольшую бухарскую крѣпость, построенную въ самомъ узкомъ мѣстѣ Аму Дарьи, мы конечно тотчасъ послали въ ближайшій авганскій городокъ джигита и просили отпустить казаковъ. Только черезъ три дня увидѣли мы своихъ, возвращенныхъ цѣлыми, здравыми и невредимыми. Они разсказывали, что обращались съ ними хорошо и только слѣдили за всѣмъ, что плѣнники дѣлали.

Въ Келифѣ, въ ночь передъ нашимъ отплытіемъ, испытали и землетрясеніе, которое хотя и было непродолжительно, но тѣмъ не менѣе заставило, пережить не совсѣмъ пріятное чувство.

Отъ Карки, крѣпости высѣченной въ скалѣ, я рѣшился слѣдовать верхомъ по берегу, не упуская изъ вида товарищей въ лодкѣ. Оно были интереснѣе и разнообразнѣе. Со мной поѣхалъ одинъ казакъ, джигиты съ вьючными лошадями нашего багажа и переводчикъ. Вездѣ я видѣлъ самый радушный пріемъ бековъ. Они встрѣчали и провожали меня, отводили хорошее помѣщеніе, кормили дастарханомъ и пилавомъ. Особенно интересенъ былъ пріемъ бека въ Бурдалыкѣ. Такъ какъ эта крѣпостца съ зубчатыми, глиняными стѣнами и башнями, лежитъ верстахъ въ пяти отъ дороги, то я и недумалъ заѣзжать туда, тѣмъ болѣе что было всего часовъ 12 дня. Но, выѣхавшій старшій сынъ бека до такой степени упрашивалъ принять ихъ гостепріимство, что я рѣшился исполнить его просьбу. Едва я далъ согласіе, какъ нѣсколько джигитовъ стрѣлой полетѣли въ крѣпостцу. Я поѣхалъ по направленію къ воротамъ. Около нихъ стояли какіе-то качели, построенные изъ кривыхъ сучковатыхъ бревенъ. Однако переводчикъ объяснилъ, что это есть ничто иное какъ

висѣлица. Мы въѣхали въ длинный крытый проходъ... Сарбазъ, стоявшій начасахъ, отдалъ мнѣ честь какъ военному.

На площади, совершенно неожиданно для меня, я увидѣлъ полный парадъ: сарбазы въ новой формѣ, съ развѣвающимся знаменемъ, офицеръ съ саблею на голо и толпа народа. Едва я поравнялся съ войскомъ, какъ офицеръ крикнулъ по русски команду „накраулъ", барабаны ударили дробь, музыка грянула.

Я окончательно растерялся, но быстро собразивъ, что мнѣ надо дѣлать и принявъ наиболѣе воинственную позу долженъ былъ дѣлать подъ козырекъ. Къ довершенію моего сквернаго положенія, лошадь пугалась барабана и я насилу могъ ее усмирить. Конечно это немного невязалось съ моей торжественной и важной осанкой.

У крыльца стоялъ пожилой добродушный бекъ. Онъ окончательно закормилъ меня, на другой день проводилъ опять съ музыкой и объ одномъ только сожалѣлъ, что я не могу остаться до завтра,—завтра будутъ вѣшать трехъ человѣкъ!

Въ Нарызымѣ случилось ночевать у бека, во время какого-то празднества. Цѣлую ночь стрѣляли изъ ружей, били въ барабаны, и конечно объ отдыхѣ нечего было и думать. Прощаясь со мною бекъ, сухой высокій старикъ, отпустилъ фразу, которую я слышалъ и въ Бурдалыкѣ.

— Не такъ часто будутъ падать литья осенью съ деревьевъ, какъ часто я буду вспоминать русскаго тюра!

Въ Чарджуѣ усѣлись всѣ на двухъ паромахъ съ опытными гребцами и направились внизъ. Вначалѣ шло все благополучно. Погода стояла хорошая, вѣтеръ не сильный. 9-го сентября, когда мы только что принялись завтракать и бесѣдовали самымъ миролюбивымъ образомъ, вдругъ раздался оглушительный крикъ гребцовъ; они побросали весла, упали на дно лодки и орали благимъ матомъ. Почти въ тоже мгновеніе съ берега грянулъ залпъ, что-то засвистѣло надъ головами, стукнуло въ бортъ лодки. Мы вскочили. Изъ камыша между тѣмъ быстро бросались въ воду голыя фигуры; они ложились грудью на турсуки, наполненные воздухомъ и усиленно гребли руками, направляясь къ намъ; въ зубахъ сверкали кинжалы. Мы сообразили въ чемъ дѣло. Быстро схватились за револьверы, зарядили берданки. Къ несчастью оказалось, что патроны для ружей заколочены гдѣ то въ ящикѣ. А

изъ камыша слѣдовали залпы за залпами. Весь берегъ дымился отъ пороховаго дыма. Мы подпустили пловцовъ на довольно близкое разстояніе и отвѣтили выстрѣлами. Нѣсколько головъ исчезло подъ водою, турсуки закружились и поплыли одни. Спасительныя берданки посыпали на текинцевъ градъ пуль, въ камышъ, гдѣ спряталась вся шайка и въ пловцовъ, идущихъ къ намъ на абордажъ.

Скоро, оставшіеся въ живыхъ три пловца вышли обратно на берегъ и побрели по немъ, защищаясь турсуками. Помню я одну фигуру. Огромнаго роста, съ страшнымъ лицомъ, бронзоваго цвѣта. Онъ шелъ медленно, точно досадуя на свою неудачу. Вдругъ онъ падаетъ на колѣно, приподымается снова, хромаетъ, всходитъ на вершину бугра и оглядывается, открывая грудь. Раздается еще выстрѣлъ и коллосъ опрокидывается навзничъ.

Странное дѣло, но въ этой схваткѣ, когда пули свистали надъ ухомъ, неприходило мысли о смерти. Напротивъ, поокончаніи всего, являлось желаніе еще разъ сцѣпиться съ врагомъ, помѣриться силами,—до такой степени разыгралась кровожадность. По счастью, никто изъ насъ небылъ даже раненъ.

Тѣмъ не менѣе, можно было ожидать, что текинцы устроятъ намъ гдѣ нибудь засаду и нападутъ врасплохъ почью. Поэтому всѣ мы поочереди караулили съ казаками свой бивуакъ и были на сторожѣ.

Въ эту ночь было темно, холодно Напуганное воображеніе рисовало самыя безотродныя картины плѣна, увечья, страданій, и проч. Въ шелестѣ камыша чудилось приближеніе враговъ, и каждую минуту мы осматривали свое оружіе. Съ радостнымъ чувствомъ привѣтствовали разсвѣтъ и пустились дальше отъ этихъ негостепріимныхъ мѣстъ.

Петроалександровскъ городокъ, построенный въ 30 верстахъ отъ Хивы, имѣетъ довольно пріятную физіогномію. Здѣсь мы наняли верблюдовъ до Казалинска, запаслись провизіей и пустились черезъ Кизылъ-Кумы, эти пустынные пески, передъ которыми Кара-Кумы—оазисъ. Самая главная бѣда здѣсь въ томъ, что проѣдите 100 верстъ и ненайдете воды. Пески глубоки. Извѣстные колодцы солоны. Попадаются заросли саксаула. Пробѣжитъ волкъ, да сѣрая птичка...—вотъ и вся жизнь.

Вмѣсто условленныхъ 8 дней, караванъ-баша нашъ проѣхалъ 12, провизія вся вышла; куры захваченныя на дорогу были съѣдены, одного верблюда ночью угнали волки.

Въ такомъ-то положеніи находились мы, когда наконецъ на горизонтѣ увидѣли тополи Казалинска. Радости не было конца! просто не вѣрилось, что мы живы, цѣлы и добрались до Россіи.

Оканчивая свой очеркъ, я долженъ опять таки просить Вашего милостиваго снихожденія. Въ короткій промежутокъ времени не мыслимо очертить рельефно такую молоизслѣдованную страну какъ Средняя Азія. Но, если мнѣ удалось хотя въ легкомъ контурѣ познакомить Васъ съ оригинальной природой и не менѣе оригинальными обычаями ея, если я возбудилъ въ Васъ хоть искру любопытства—я буду считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ.